

В.К. Косс

МАМА СКАЗАЛА, ЧТО Я ВСЕ ВЫДУМАЛА

Психологический семейный роман

18+

В.К. Косс

Мама сказала, что я все выдумала

<https://litres.ru/74602533>

SelfPub; 2026

Аннотация

Вера приезжает в родной город на три дня. Мать сломала ногу, младшая сестра просит помочь. Условие одно: отчима дома не будет.

В девятнадцать лет Вера рассказала матери о насилии. В ответ услышала: «Ты все выдумала». Она ушла из дома. Олег остался, а родственникам объяснили, что дочь просто не захотела жить в семье.

Теперь он возвращается раньше обещанного. Через шесть недель у сестры свадьба, и мать отказывается прийти без мужа. Вера шьет Ане свадебное платье. Обещать, что сама будет на празднике, она пока не может.

Содержание

Глава 1. Звонок	4
Глава 2. Правило трех дней	13
Глава 3. Человек с пакетом	21
Глава 4. Девятнадцать	29
Конец ознакомительного фрагмента.	35

В.К. Косс

Мама сказала, что я все выдумала

*Содержит упоминания сексуального насилия и
алкогольной зависимости.*

Глава 1. Звонок

Когда позвонила Аня, я держала во рту две булавки. В цехе спорили, можно ли выпускать актрису в платье, которое под сценическим светом становилось прозрачным. Лида прижимала к ткани телефон с включенным фонариком, а я пыталась объяснить, что свет снизу не заменяет прожектор.

На экране появилось сестрино имя. Обычно она сначала присылала сообщение: «Ты занята?» На прямой звонок я ответила сразу, выплюнув булавки в ладонь.

— Мама в больнице.

Я отошла к окну. Во дворе два рабочих тащили лист фанеры. Один пятился и ругался, потому что второй наступал ему на ноги.

— Что случилось?

— Упала. Сломала ногу. Уже прооперировали, все нор-

мальноно.

Мама могла сказать «все нормально» и с синяком на щеке, и с неоплаченным счетом в руке. Я давно перестала успокаиваться от этих слов.

Я спросила, в какой больнице она лежит, когда это произошло и почему мне не сказали сразу.

— Вчера. Я сама вечером узнала. Вера, ты можешь приехать?

Лида поймала мой взгляд и беззвучно показала на часы. До примерки оставалось двадцать минут.

— Когда выписывают?

— Завтра, если все хорошо. Мне надо в область, у нас инвентаризация. Я поменялась бы, но уже два раза менялась. Только на несколько дней. Потом я сама.

— А Олег?

Аня помолчала. Я слышала, как она переставляет что-то на столе: короткий стук, еще один. Она работала в магазине бытовой техники и говорила, вероятно, из подсобки.

— Он на даче. Там крыша потекла. До понедельника не приедет.

— Ты с ним говорила?

— Он сказал, что до понедельника.

Я смотрела на фанеру. Рабочие поставили ее у стены, отошли, и она сразу начала сползать. Тот, который ругался, успел подхватить край.

— Три дня, — сказала я. — До понедельника. И если он

вернется раньше, я там не останусь.

— Хорошо.

Слишком быстрое согласие заставило меня переспросить:

— Аня, ты поняла?

— Да. Я поняла.

После звонка Лида не стала спрашивать, что произошло. Дождалась, пока я вернусь к столу, и подвинула ко мне кусок подкладки.

— Сколько тебе нужно?

— Три дня. Мать сломала ногу.

— Забери жилет. Его можно закончить без машинки. Платье доделаю я.

— Ты не успеешь.

— Значит, буду ворчать. Но успею.

Я хотела сказать, что могу уехать после примерки, вечером, и завтра с утра прислать фотографии жилета. Лида уже отвернулась к актрисе, которая стояла у двери в кроссовках и сценическом корсете, придерживая одной рукой распущенные волосы.

Я еще стояла у стола, хотя можно было идти. Хотела предупредить Лиду о незаконченной подкладке, но она уже взяла ее сама.

Дома я положила в сумку две футболки, брюки, зарядку, коробку с нитками и недошитый жилет. Вытащила брюки, добавила еще одну футболку. Потом долго искала дорожную зубную щетку, хотя обычная стояла в стакане над раковиной.

Илья пришел, когда я сидела на полу рядом с раскрытой сумкой. В руках у него был контейнер с гречкой и грибами. Он готовил много, потому что не умел рассчитывать порции на одного.

— Есть будешь?

— В автобусе.

Он оглядел сумку, поднял жилет с кресла и аккуратно сложил его по боковым швам.

— Что я могу сделать?

— Отвези меня на вокзал.

В машине он включил обогрев, хотя было только начало сентября. Я ничего не сказала. Через несколько минут сняла куртку.

— Тебе самой хочется ехать? — спросил он перед светомфором.

— Ей нельзя наступать на ногу. Кто-то должен ее забрать.

— Я понимаю.

— Аня работает. У нее свадьба через несколько недель. Денег и так впритык.

Он остановился за маршруткой. В заднем окне качался плюшевый заяц, выцветший почти до белого.

— Я спросил про тебя.

Я потерла пальцами край ремня безопасности.

— Мне хочется, чтобы это уже было сделано.

Илья кивнул. На вокзале купил мне воду и яблоко, хотя я сказала, что вода есть. Пакет я забрала. На благодарность

хватило сил только у двери автобуса.

В дороге я закончила одну пройму жилета. Игла каждый раз попадала в темную ткань чуть левее нужного места, автобус трясло, и я наконец убрала работу. Рядом спала женщина с картонной коробкой на коленях. Из отверстия в коробке торчал зеленый лист. На поворотах женщина просыпалась, придерживала растение и снова закрывала глаза.

Я не была у матери дома почти два года. В последний раз забежала днем, когда Аня заранее сообщила, что Олег работает. Мама попросила купить чай, потом забыла, что попросила, и сказала, что этот сорт слишком дорогой. Мы просидели на кухне сорок минут. Я забрала старые школьные грамоты, которые ей мешали в шкафу, и ушла с ощущением, что выполнила неприятную, но необходимую процедуру.

Теперь мне предстояло остаться на ночь.

В больницу я приехала за полчаса до конца посещений. На первом этаже продавали кофе и булочки. Я взяла маме печенье, увидела на ценнике знакомую марку и положила пачку обратно. Не знала, какую она теперь любит. В итоге купила бананы.

Она лежала у окна. Правая нога была приподнята на подушке, пальцы выглядывали из повязки. На соседней кровати женщина в сиреневой кофте разговаривала по видеосвязи с внуком и настойчиво спрашивала, сделал ли он математику.

— Ну наконец, — сказала мама.

Я поставила сумку на стул.

— Автобус шел три часа.

— Я не про автобус. Вообще.

Она выглядела меньше, чем дома. Волосы, которые обычно красила в темный каштановый цвет, отросли у корней. Без очков мама шурилась, и складки вокруг глаз стали заметнее. На тумбочке лежали дешевые влажные салфетки, бумажный стакан и телефон в чехле с вытертым золотым цветком.

— Как нога?

— Нога как нога. Болит.

— Врач уже был?

— Был. Все рассказал Ане. Сядь, чего стоишь.

Я убрала с табурета свернутую больничную сорочку и села. Мама смотрела на мои руки.

— Опять пальцы все исколоты.

— Работа.

— Наперсток надо носить. Я тебе сколько говорила.

У нее самой на среднем пальце была старая светлая отметина. В детстве я думала, что так выглядят руки всех взрослых женщин. Она работала на фабрике, брала домой заказы, подшивала брюки соседям. Когда я впервые попросила научить меня шить, мама дала кусок простыни и велела распороть шов, не повредив ткань. Я обиделась: мне хотелось платье для куклы. Она сказала, что сначала надо научиться исправлять.

— Банан будешь?

— Потом. Ты ключи у Ани заберешь?

— Она меня встретит.

— В верхнем ящике мои теплые носки. Принеси завтра.

Здесь ночью холодно.

Я записала в телефоне: носки, очки, зарядка. Мама проследила за движением моего пальца.

— Раньше все в голове держали.

— Я могу забыть.

Она вздохнула и поправила край одеяла. Потом спросила, как работа, но ответ не дослушала. Ей понадобилось приподняться, и я помогла передвинуть подушку. Под ладонью ее плечо оказалось горячим и совсем привычным. Я помнила эту температуру с детства, когда мы теснились на диване перед телевизором. Я убрала руку, как только она устроилась.

Соседка закончила разговор и сказала:

— Дочка приехала? Вот и хорошо. А то ваша мама все в окно смотрит.

Мама улыбнулась ей с той легкой приветливостью, которая всегда удивляла людей, знавших ее только по праздникам.

— Старшая у меня далеко. Работа, свои дела. Некогда.

Я почистила банан, отломила половину и положила на салфетку. Мама взяла ее, не глядя на меня.

Перед уходом я спросила, как она упала.

— На кухне поскользнулась. Линолеум этот давно менять

надо.

— Аня сказала, в подъезде.

— Ну в подъезде. Какая разница? Ногу сломала, а не протокол составляю.

Я закрыла сумку. Мама вдруг схватила меня за запястье. Несильно, двумя пальцами.

— Ты только без своего настроения, ладно? Мне сейчас и так тяжело.

Я посмотрела на ее руку, потом на лицо.

— Я приехала помочь после выписки.

— Вот и помогай.

В коридоре медсестра меня догнала и отдала список вещей. Попросила привезти свободные брюки и обувь на здоровую ногу. Говорила быстро, по делу, и я была ей благодарна за каждое простое слово.

Аня ждала у больничных ворот. На ней была моя старая джинсовая куртка, которую она однажды забрала с разрешения матери. Рукава ей были коротки.

Мы обнялись. Сестра пахла кофе и стиральным порошком.

— Спасибо, что приехала, — сказала она.

Я посмотрела на освещенные окна третьего этажа.

— До понедельника.

— Да, Вер. До понедельника.

В такси она рассказывала о костылях, которые нашла у коллеги, о лекарствах, о водителе, согласившемся помочь

при выписке. Я слушала и отмечала, что еще нужно купить. Я спросила, справится ли водитель с лестницей. Аня сказала, что у него самого мать на втором этаже без лифта. До дома мы говорили только о выписке.

Глава 2. Правило трех дней

В прихожей стояли две пары мужских ботинок. Я остановилась на пороге, и Аня сразу сказала:

— Это старые. Он их не носит.

Ключ еще был у нее в руке. Дверь оставалась открытой, и лестничная клетка казалась просторнее всей квартиры.

— Он точно не вернется сегодня?

— Точно.

Я вошла и поставила сумку на пол. На стене висел календарь трехлетней давности с видом монастыря. Мама не переворачивала его после декабря: ей нравилась картинка. Под календарем было темное пятно, где раньше стоял телефонный аппарат.

Аня принесла из кухни табурет, чтобы я могла переобуться. Эта маленькая предусмотрительность растрогала меня больше встречи у больницы. Я села, развязала шнурки, долго вытаскивала пятку из кроссовка.

— Чай?

— Сначала покажи, что нужно сделать.

Мы ходили по квартире, словно осматривали помещение для временной аренды. Аня открыла холодильник, перечислила продукты, вытащила пачку творога с истекшим сроком и сунула в мусор. В ванной показала складной стул, который принес Костя.

— Ей самой здесь неудобно будет. Можно пока обтираться, врач сказал.

Из-под раковины торчала открытая бутылка. Сестра быстро задвинула ее ногой.

— Не надо, — сказала я.

Она выпрямилась.

— Что?

— Прятать.

Аня отвела взгляд к зеркалу. На полочке лежали три мамины помады, все без колпачков. Одну я помнила: мама купила ее на мой выпускной, а потом жаловалась, что оттенок слишком яркий.

— Я не прячу. Просто убираю.

— Хорошо.

Мы оставили разговор на этом месте.

В маленькой комнате на диване была постелена чистая простыня. Раньше здесь жили мы с Аней. Теперь у окна стояли коробки с плиткой, вентилятор без основания и две тяжелые сумки с вещами, которые мама хотела отдать, но все никак не отдавала. На подоконнике лежал мой школьный атлас. Я раскрыла его: между страницами сплюснулся лист березы, почти прозрачный. Сестра подошла со спины, и я захлопнула книгу.

— Можно коробки вынести?

— Куда? — спросила Аня.

Я оглядела комнату. Даже табурет поставить было некуда.

— Хотя бы от двери.

Мы сдвинули плитку к окну. Одна коробка надорвалась, посыпалась серая пыль. Аня принесла веник, я придерживала совок. Она сказала, что на работе точно так же рвутся упаковки с уцененными чайниками, и впервые за вечер засмеялась. Смех у нее был громкий, несколько хриплый; в детстве мама постоянно велела ей смеяться потише.

На кухне я открыла свой календарь и положила телефон на стол.

— Завтра привезем вещи и заберем ее. В понедельник утром я уезжаю. Ты в воскресенье уже будешь здесь?

— Ночью. Часов в десять.

— Кто приходит после?

— Я. И тетя Тамара обещала.

— Запиши дни. Чтобы она знала, когда ты, когда Тамара. Сестра потерла переносицу.

— Можно просто договориться.

— Можно. Но я хочу знать, что договорились.

Она достала блокнот с логотипом магазина. На первой странице было написано «Костя кольца», ниже — сумма, обведенная дважды. Я перевернула страницу, не читая дальше. Мы распределили покупки и уборку. Рядом с понедельником Аня написала свое имя.

Потом я добавила:

— Если он здесь, меня здесь нет. Это касается и выписки.

— Вер, ты уже сказала.

— Значит, скажу еще раз.

Она закрыла ручку. Щелчок получился неожиданно резким.

— Ты могла бы вообще не приезжать, если тебе настолько трудно.

Я положила руки под стол, чтобы она не видела, как я сжала пальцы.

— Могла.

Аня ждала продолжения. Наверное, привычного объяснения: почему я все-таки приехала, как люблю маму, как мне жаль. Я допила остывший чай. Сестра встала и начала мыть чашки.

— Ладно. Я поняла. Правда.

Она ушла через полчаса. Из прихожей попросила завтра напомнить маме про ортез, названия которого мы обе не могли запомнить. Я сказала, что у меня записано.

Когда закрылась дверь, квартира изменилась. Те же вещи перестали быть предметами, которые мы обсуждали вдвоем. Шкаф за моей спиной, дверца ванной, полоска света под кухонным окном — все требовало отдельного внимания.

Я обошла комнаты. В большой на тумбочке лежали мужские часы. Под ними стоял стакан с засохшей чайной ложкой. Я вернулась в маленькую комнату, закрыла дверь и проверила ручку. Замка не было. Его сняли много лет назад, когда мама решила, что детям нечего запирались от семьи.

В сумке лежал жилет. Я вынула его, расправила на коле-

нях и закончила вторую пройму. В театре этот жилет должен был носить старый камердинер, которого играл тридцатилетний актер. Лида просила сделать плечи покатыми, чтобы костюм менял фигуру. На изнанке я написала карандашом фамилию актера. Прочитала ее несколько раз. Чужое имя, чужая задача, совершенно понятный результат.

На ночь я пододвинула к двери одну из сумок с мамины-ми вещами. Сумка не могла никого остановить, зато при открывании дверь должна была зашуршать.

В половине второго пришло сообщение от Ильи: «Доехала?» Я забыла ему написать.

«Да. Все в порядке».

Я стерла вторую фразу и отправила только первую.

Он ответил: «Я еще не сплю».

Мы разговаривали десять минут. Он рассказал, что у одного клиента в проекторе оказался жук, и клиент потребовал доказать, что жук был там до ремонта. Я спросила, удалось ли установить возраст жука. Илья сказал, что независимая экспертиза пока не назначена. Я засмеялась, лежа на чужой простыне в комнате своего детства. Смех помешал мне заплакать; я почувствовала это физически, как проходящий спазм.

Утром проснулась от мусоровоза. Во дворе гремели контейнеры. Я выпила кофе, собрала вещи для больницы и открыла верхний ящик маминого комода.

Носки были перевязаны резинкой. Рядом лежали ножни-

цы, рулетка, катушка красных ниток и маленькая коробка с пуговицами. На дне ящика, под платком, нашлась моя фотография: девятнадцатилетняя, у входа в швейное училище, с папкой под мышкой. Я улыбалась чуть в сторону от объектива, потому что меня фотографировала Рита и перед этим сказала какую-то глупость.

Оборот был чистым. Никакой даты, никакой надписи.

Я положила фотографию обратно, взяла носки и закрыла ящик.

В больнице мама сразу заметила, что очки лежат в мягком чехле.

— А жесткий куда делся?

— Не нашла.

— На комоде смотрела?

— Смотрела.

— Значит, плохо.

Я поставила на тумбочку зарядку, дождалась, пока она закончит перечислять места, где мог лежать чехол, и показала список покупок.

Мама читала долго, водя пальцем по экрану.

— Слишком много всего. Денег напрасно не трать.

— Здесь только то, что попросили.

— Вы с Аней все умеете усложнить.

Пришел врач. Объяснил, как долго нельзя нагружать ногу, предложил еще раз задать вопросы перед выпиской. Мама стала внимательной, собранной; даже голос изменился. Она

попросила уточнить, когда приходиться на осмотр, и сама записала дату на обороте упаковки салфеток.

Я увидела женщину, которая когда-то вела ведомости фабричной бригады, рассчитывала метраж ткани быстрее калькулятора и замечала чужую ошибку еще до того, как ей показывали готовую вещь. Эта женщина никуда полностью не исчезла. Она сидела передо мной, спрашивала врача иправляла очки.

После его ухода мама посмотрела на список снова.

— Ничего. Купи. Я потом отдам.

Я не стала говорить, что не нужно. Назвала сумму, которую собиралась потратить. Она нахмурилась, но кивнула.

Перед выходом я остановилась у двери палаты.

— После обеда тебя заберем мы с Аней.

— Олегу сообщила?

— Нет.

— Он должен знать.

— Аня сообщит.

Мама натянула одеяло повыше.

— Все по-прежнему, значит.

Я смотрела на нее несколько секунд. Соседка у окна делала вид, что увлечена телефоном.

— Да. Я не останусь, если он придет. Ане я это сказала. Теперь говорю тебе.

Мама отвернулась. Я постояла у двери, дожидаясь ответа, потом вышла. В коридоре пришлось вернуться за сумкой:

оставила ее возле кровати.

Глава 3. Человек с пакетом

Маму привезли домой в субботу после обеда. Водитель помог Ане поднять ее на второй этаж, а я несла костыли и пакет с больничными вещами. На каждой площадке мама спрашивала, сколько осталось. Под конец уже никто не отвечал: впереди была дверь, и все ее видели.

В большой комнате мы заранее развернули кресло, чтобы она могла смотреть телевизор. Мама велела вернуть его на место.

— Мне отсюда дверь не видно.

Аня послушно взялась за спинку. Я поставила костыли у стены.

— Сначала сядь. Потом переставим.

Она села, выдохнула и закрыла глаза. Несколько минут лицо было неподвижным, и я испугалась, что ей плохо. Потом мама спросила, почему из кухни пахнет луком. Я варила суп.

— Не люблю, когда все пропахло.

— Я открою окно.

Аня уехала за билетами: на следующий день ей нужно было рано выезжать в область. Перед уходом она проверила, заряжен ли мамин телефон, пообещала позвонить вечером и задержалась в прихожей.

— Если что, Костя рядом. Я ему сказала.

— Он знает, что именно «если что»?

Сестра стала застегивать молнию, хотя куртка была расстегнута и в квартире жарко.

— Я сказала, что может понадобится помощь.

— Хорошо.

Я не спросила, знает ли Костя обо мне. До свадьбы оставалось шесть недель, а сестра так и не представила нас нормально: пару раз мы встретились у магазина, обменялись приветствиями. Он был высокий, немного сутулый, всегда смотрел собеседнику в лицо. Аня говорила, что он спокойный. Олега в свое время тоже называли спокойным.

Мама поела четыре ложки супа и попросила убрать тарелку. Я предложила еще разогреть позже, если захочется. Она сказала, что с таким уходом скоро станет капризной старухой, и сама засмеялась. Я вымыла тарелку, оставив суп в кастрюле.

Потом мы учились проходить из комнаты в ванную. Она опиралась на костыли, я шла рядом, не хватая ее без необходимости. На пороге мама остановилась.

— Ты держи меня. Я упаду.

Я подставила плечо. Ее пальцы вцепились в футболку у горловины, растянули ткань. Мама тяжело дышала, смотрела на собственную ногу и сердилась от бессилия. Мне стало ее жаль. Мама, которая раньше поднимала одной рукой машинку в чехле, теперь не могла переступить через порог.

Вернувшись в кресло, мама попросила дать ей телефон. Я

принесла и вышла на кухню. Из комнаты донеслось:

— Да, дома уже. Да, старшая приехала.

Я выключила воду, чтобы слышать дальше. Мама говорила тише, и я могла разобрать только отдельные слова. Через минуту она позвала меня.

— Он спрашивает, что купить.

— Пусть Ане напишет.

— Она занята. Человеку просто надо знать, что купить.

— Мне от него ничего не нужно.

Мама посмотрела на соседний стул и протянула телефон в пустое пространство между нами. Я осталась у двери.

— Ты же не можешь всю жизнь так, — сказала она.

Я ушла на кухню, не взяв телефон.

Днем я работала над жилетом. На подоконнике удобно поместилась коробка с нитками. За окном мальчик гонял мяч между двумя припаркованными машинами, и каждую минуту включалась сигнализация. Мама дремала под телевизор. К четырем я пришила последние крючки и сфотографировала работу для Лиды.

Она ответила: «Красиво. На левой полочке последний крючок выше. Проверь».

Я проверила. Был выше на три миллиметра. Распорол, переделала, прислала еще раз. Лида поставила большой палец. Эта короткая переписка вернула мне ощущение времени: в другом городе тоже был день, люди занимались своими делами, и мое присутствие там продолжало иметь значение.

Ключ повернулся в замке в половине пятого.

Я услышала, как металл зацепил край скважины, потом щелкнул замок. За много лет звук почти не изменился. Мама открыла глаза раньше, чем дверь распахнулась.

Олег вошел с пакетом из продуктового магазина. На нем была рабочая куртка, на темном рукаве — пятно сухой штукатурки. Он аккуратно вытер ботинки о коврик.

— Ну что, больная, привезли тебя?

Мама улыбнулась. Он заглянул в комнату, увидел меня и чуть приподнял подбородок.

— Здравствуй, Вера.

Я встала. Нитка, которой был пришит крючок, тянулась от жилета к катушке. Я перерезала ее ножницами, положила жилет в сумку.

— Ты должен быть на даче, — сказала я.

— Дождь пошел. Какую крышу в дождь делать?

Он говорил без раздражения. Словно объяснял очевидную рабочую задержку любому человеку, оказавшемуся в квартире.

— Аня сказала, что до понедельника.

— Аня много чего говорит. Мать дома, мне что, не приходить?

Мама поправила подушку под ногой.

— Он продукты принес. Ты сразу начинаешь.

Я взяла свою сумку и телефон. Носки и белье остались в маленькой комнате, но туда нужно было пройти мимо него.

Я посмотрела на этот короткий путь и решила, что заберу позже.

— Я ухожу.

— Куда? — спросила мама.

— К Рите. Или в гостиницу.

— Ты еще и на гостиницу деньги выбросишь?

Олег поставил пакет на пол. Из него выглядывала белая упаковка молока.

— Я могу в гараж пойти, — сказал он. — Если из-за меня такие сложности.

Предложение было произнесено достаточно громко, чтобы его слышала мама. Она сразу ответила:

— Еще чего. Это твой дом.

Я застегнула сумку. Пальцы слушались плохо, молния зацепила край подкладки. Пришлось освободить ткань, и эти несколько секунд показались унижительно долгими.

— У нее таблетки по списку, — сказала я. — Суп в холодильнике. Воду поставьте рядом с креслом.

Олег взял пакет и прошел на кухню. Освободившийся коридор позволил мне выйти.

Мама крикнула вслед:

— Ты всегда уходишь в самый нужный момент!

Я остановилась у двери, нащупывая кроссовки ногами.

— Я сказала Ане, при каких условиях приеду.

— А мне кто сказал?

— Ты слышала меня утром.

Из кухни донесся звук открывающегося холодильника. Олег проверял, что уже есть, как любой хозяйственный человек с покупками. Я наконец завязала шнурки и вышла.

На лестнице пахло жареной рыбой. На первом этаже женщина мыла площадку, ведро стояло посередине прохода. Я попросила подвинуть его. Она отодвинула, посмотрела на мою сумку.

— К Галине приезжала? Как она?

— Дома. Поправляется.

— Олег-то молодец. Утром все спрашивал, что ей можно. Хорошо, когда мужчина заботливый.

Я кивнула ей, чтобы пройти. Уже на улице поняла, что кивнула.

Рита ответила после второго гудка.

— Ты где?

— Во дворе у мамы. Можно к тебе?

— Конечно. Я до шести в мастерской. Приходи сюда, потом домой поедем.

Я хотела добавить, что только на одну ночь, что денег на гостиницу у меня хватит, что это неудобно. Рита назвала адрес мастерской, хотя я его знала, и попросила по пути купить хлеб.

В магазине я выбрала нарезной батон. Держала его в руке, стояла у кассы. Впереди мужчина искал в карманах мелочь, кассирша терпеливо ждала. Ничего не происходило, что требовало бы от меня быстрого решения. Я могла подождать.

Сестра позвонила, когда я вышла.

— Почему ты ушла?

— Он вернулся.

— Я ему сейчас позвоню.

— Не надо.

— Вер, я правда не знала. Он обещал.

Я поставила сумку на скамейку у магазина.

— Я тебе верю.

На другом конце стало тихо.

— Тогда почему ты так говоришь?

— Как?

— Будто все. Будто теперь я виновата.

Я посмотрела на батон в прозрачном пакете. За день это была третья вещь, которую я несла кому-то, и единственная, которую мне хотелось принести.

— Ань, я не обвиняю тебя. Но оставаться с ним не буду.

— Что мне делать с поездкой?

— Решать самой. Я не останусь там с ним.

Аня резко выдохнула. Я слышала, как она идет: удары каблучков, ветер у микрофона.

— Ладно. Я заеду к ней вечером.

— Позвони, если надо купить что-то. Привезу, когда его не будет.

Она сказала «хорошо», но уже без прежней легкости.

В мастерской Рита сидела за машинкой. На подставке у стены висели пять пар брюк, все с бумажными бирками. Уви-

дев меня, она закончила строчку, выключила машинку и вытерла руки о джинсы, хотя они были чистыми.

— Хлеб принесла?

Я подняла пакет.

— Тогда чай. Рассказывать можешь потом.

Она освободила стул, поставила на стол две чашки. Я села. Рита подвинула ко мне ножницы, которые мешали локтю. Впервые за этот день мне не пришлось проверять, где находится дверь.

Глава 4. Девятнадцать

В девятнадцать лет я собиралась снимать комнату у женщины, которая держала трех кошек и брала деньги за электричество отдельно. Комната была проходная, через нее попадали на балкон. Хозяйка уверяла, что зимой на балкон не ходит, а летом я все равно буду на работе.

Мне нравилось, что в комнате стоял свой стол. Простой письменный стол с пятном от кружки. Я уже представляла, как поставлю на него машинку, разложу выкройки и буду ужинать, отодвинув ткань. До этого всю жизнь работала на кухне, освобождая место к приходу остальных.

Рита сказала, что проходная комната за такие деньги — грабеж. Мы все равно внесли хозяйке небольшой задаток. Я рассчитывала получить оплату за три выпускных платья и переехать через неделю.

Мама тогда еще работала. Пила вечерами, иногда по выходным с утра, но на фабрику приходила вовремя и считала это достаточным доказательством, что никаких проблем у нее нет. Олег жил у нас около двух лет. За это время он смеситель, повесил полки в ванной и приучил нас спрашивать, можно ли включить стиральную машину: его раздражал шум.

Вечером, когда я рассказала про комнату, мама сидела у окна и чистила яблоко одним длинным витком. Кожура све-

шивалась к коленям.

— Это у кого? — спросила она.

Я назвала улицу.

— Знаю я этот дом. Там подъезды страшные.

— В нашем тоже не дворец.

— У себя ты под присмотром.

Слово «присмотр» тогда показалось мне смешным. Я училась, работала по вечерам в ателье, покупала продукты, если мама задерживалась, проверяла у Ани уроки. Сестре было тринадцать, и она могла часами рисовать одежду на полях тетрадей, а потом получить двойку, потому что под рисунками не оставалось места для решения.

Олег прибавил звук телевизора.

— Пусть идет, — сказал он. — Взрослая. Надо ей самостоятельности.

Мама сердито взглянула на него, потом на меня.

— Деньги закончишь — обратно прибежишь.

Я ответила, что деньги еще сначала нужно получить. Мне казалось, это прозвучало уверенно.

За два дня до переезда Рита позвонила и сообщила, что ее мать зовет меня на ужин. Я отказалась: нужно было закончить рукав, а хозяйка одного платья обещала утром приехать на примерку. Аня ушла к подруге, мама была на смене. Я осталась дома с работой.

В тот вечер Олег изнасиловал меня.

Долгое время я говорила «он пристал». Рите, потом Илье.

Слово «изнасиловал» застревало; мне казалось, произнесу его — и придется рассказывать все. Теперь я могу назвать то, что произошло. Подробности рассказывать не хочу.

Я помню утро. На кухонном столе лежал рукав, который так и остался недошитым. В стакане стояла ложка. Мама пришла с работы, поставила пакет с хлебом рядом с тканью и спросила, почему я не сплю.

Я сказала, что мне нужно ей кое-что рассказать.

Она достала хлеб из пакета.

— Подожди, руки вымою.

Я ждала у стола. Из ванной шла вода. Потом щелкнул выключатель, мама вышла и села. На ней была коричневая кофта с маленькой дырочкой у манжеты. Я столько раз потом видела эту кофту на фотографиях, что однажды попросила Аню не присылать мне старые снимки без предупреждения.

Я рассказала коротко, с самого начала назвав Олега. Мама слушала, глядя на хлеб. Не перебивала. Это ее молчание я в первые секунды приняла за внимание.

— Ты понимаешь, что говоришь? — спросила она наконец.

Я сказала, что понимаю.

— Такие вещи просто так не говорят.

Я повторила. Уже подробнее, хотя каждое добавленное слово давалось с трудом. Мне казалось, в первый раз я могла пропустить то, от чего зависело ее доверие.

Мама встала, налила себе чай, вернулась с чашкой.

— Он мне вчера говорил, что ты нервная. Что у тебя с переездом не получается.

— Получается.

— Я сейчас не про это.

Я смотрела на ее чашку. На боку было написано «Любимой маме». Мы с Аней купили ее на рынке, сложившись подаренными на Новый год деньгами. Тогда я считала такие надписи красивыми.

Мама сказала:

— Ты все выдумала.

Я не сразу поняла, что разговор закончился. Еще пыталась вернуться к началу, уточнить время, сказать, почему я не позвонила сразу. Мама сердилась все сильнее. Она спрашивала, чего я хочу, как нам теперь жить, зачем я порчу человеку жизнь. К концу разговора я уже отвечала на вопросы, которые не имели отношения к тому, что произошло.

— Ты его всегда не любила.

Это было правдой: я его не любила. Маме хватило этой правды, чтобы отвергнуть другую.

Аня вышла из маленькой комнаты. Я не слышала, когда она вернулась от подруги. Она стояла в носках, прижимая к груди школьную толстовку, и спросила, что случилось.

— Ничего, — ответила мама. — Иди одевайся.

Я увидела, как сестра смотрит на меня. Взгляд был испуганный, настороженный. Она ждала, что я тоже объясню ей мир одним простым словом. Я отвернулась.

Потом пришел Олег. Он принес из магазина сметану и положил ее в холодильник. Мама заговорила с ним о сломанном выключателе в коридоре. Я сидела на краю дивана и слушала разговор о выключателе. Олег спросил, купили ли новый. Мама ответила, что не успела.

Я позвонила Рите. Сначала сказала только:

— Можно я к тебе приду?

— Конечно. Что такое?

— Я потом.

Она не стала ждать. Пришла сама. Постучала в дверь, хотя обычно звонила в звонок, и я до сих пор помню, как осторожно она сказала маме «здравствуйте».

Мы собрали мои вещи в спортивную сумку. Мама стояла в коридоре и повторяла, что цирк нужно заканчивать. Рита молчала. Сама понесла сумку, а мне отдала свою легкую куртку.

На улице я рассказала ей. Мы дошли до остановки, сели на скамейку. Рита спросила, хочу ли я в больницу, нужно ли кого-то позвать. Я отвечала «не знаю» на каждый вопрос. Она купила воды и позвонила матери. Сказала, что мы сейчас придем и что мне нужно остаться.

В их квартире мне дали полотенце и постелили в Ритиной комнате. Ее мать не расспрашивала, только спросила, хочу ли я закрыть дверь. Я сказала «да». Она отдала мне ключ, который висел на гвозде над выключателем.

На следующий день хозяйка одного платья приехала за за-

казом. Рита встретила с ней у нашего дома, забрала пакет у Ани и принесла мне. Я дошила рукав, сидя на раскладушке. Женщина на примерке крутилась перед зеркалом, хвалила аккуратность, говорила, что у меня легкая рука. Я старалась не слушать слова и смотрела, ровно ли лежит ткань на плече.

Комнату с кошками я так и сняла. Хозяйка заявила, что задаток не возвращается, даже если обстоятельства изменились. Тогда эта жесткость неожиданно помогла: существовало действие, которое следовало довести до конца. Я перевезла машинку, кружку и книги. Рита пришла вечером с кастрюлей пельменей. Мы ели за моим столом, отодвинув ткань. Через несколько дней одна из кошек украла из коробки катушку и закатила под диван.

Мама позвонила через неделю. Я увидела ее имя и долго ждала, прежде чем ответить.

— Ну что, нагулялась? — спросила она.

Я сказала, что живу в комнате.

— Вижу, принципиальная. Аня из-за тебя плачет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.